

Нож торчал в разделочной доске, а дрожащее лезвие поблёскивало холодным светом.

У женщины по коже побежали мурашки. Она будто разом лишилась голоса: лицо позеленело от злости и страха, но больше ни одного оскорбления она произнести не решилась. В конце концов ушла, даже не купив овощей.

Чжан Бэйтин передал отрезанную тыкву Хэ Хаю и повернулся к Сун Яньцину:

— Есть какие-нибудь овощи, которые тебе хочется?

Сун Яньцин покачал головой и тут же поспешно добавил:

— Я не привередливый.

Дома ещё оставались яйца и зелень от тётушки Хэ, поэтому Чжан Бэйтин выбрал два баклажана и несколько перцев.

Больше брать не решился — боялся, что денег не хватит.

Хэ Хай быстро всё взвесил.

— Тыква — два цзиня и один лян. Считаю как два цзиня, с тебя два вэня. Баклажаны с перцем вместе — цзинь и семь лянов, по три вэня за цзинь... Давай пять вэня за всё.

Чжан Бэйтин облегчённо выдохнул.

Хорошо хоть овощи здесь недорогие.

Они ушли с покупками, и лишь тогда возле прилавка снова загомонили в полный голос.

— Ли Гуйсян и раньше любила за спиной перемывать косточки семье Чжан. А сегодня Бэйтин всего-то ножом трюк показал — и у неё колени задрожали.

— Я видел, как ты сам руку отдёнул.

— Можно подумать, ты не отдёнул.

— Когда Чжан Бэйтин вообще так научился ножом обращаться? Его отец в своё время держал закусочную на Южной улице, но даже у него таких фокусов не было.

Голоса постепенно остались позади.

Чжан Бэйтин спросил Сун Яньцина:

— Я тебя не напугал?

Тот едва заметно замедлил шаг, но тут же пошёл как прежде.

— Нет.

На самом деле в первый миг он действительно испугался.

С тех пор как Чжан Бэйтин очнулся, он всё время говорил спокойно и мягко. Даже когда спрашивал, почему в свадебном паланкине оказался Сун Яньцин, в его лице не появилось ни тени холода.

А вот взгляд, которым он только что посмотрел на ту женщину, был ледяным — словно ещё одно слово, и Чжан Бэйтин действительно мог её разделать вместе с овощами.

Но испуг продлился всего мгновение. Затем осталось только чувство справедливого удовлетворения.

Даже Сун Яньцин не мог терпеть сказанное ею о покойных родителях. Чего уж ждать от самого Чжан Бэйтина.

— А кто была эта женщина? — спросил он.

— Дальняя родственница из нашего рода.

Чжан Бэйтин помнил, как родители прежнего владельца тела упоминали Ли Гуйсян.

— Перед переездом к Академии Белого Журавля моя семья продавала свои заведения. Она положила глаз на одну закусочную и захотела купить её за половину рыночной цены. Место было отличное, желающих хватало, поэтому родители отказали.

Он продолжил:

— Потом закусочную продали другому человеку, а она решила, что мои родители забыли о родственных узах и не захотели помочь своим.

Сун Яньцин нахмурился:

— Что за нелепость.

Из воспоминаний прежнего владельца Чжан Бэйтин знал и остальное.

Семья Ли Гуйсян перебралась из деревни в Юньян на несколько лет раньше Чжанов, но за всё время нажила только дом да небольшую лавку с паровыми булочками. У неё был сын на два года младше прежнего Чжан Бэйтина. Он тоже с детства учился грамоте и в тот же год участвовал в уездных экзаменах.

Чжан Бэйтин стал сюцаем.

А тот парень провалился.

Стоило сложить эти детали вместе, и причина поведения Ли Гуйсян становилась очевидной — зависть.

За разговором они быстро добрались домой.

Сун Яньцин унёс овощи на кухню, а Чжан Бэйтин занялся бинфэнем.

Купленная известь была негашёной. Он отколол кусочек размером с ноготь и положил в миску с остывшей кипячёной водой.

Стоило извести соприкоснуться с водой, как от неё повалил горячий пар. После реакции получилась гашёная известь. Нужно было дать смеси остыть и отстояться — прозрачная жидкость сверху и служила известковой водой, помогавшей бинфэню застыть.

Пока раствор отстаивался, следить за ним не требовалось.

Чжан Бэйтин вышел во двор и забрал плоды никандры, которые они оставили сушиться на солнце.

После нескольких часов жары они полностью высохли. Стоило слегка растереть плод пальцами, оболочка ломалась и из неё легко высыпались коричнево-красные семена размером с кунжут.

Высохшие плоды слегка просеяли через бамбуковое сито, и шелуха без труда отделилась от семян.

В итоге получилось почти три цзиня.

Чжан Бэйтин нашёл мешочек из тонкой ткани, которым его покойная мать когда-то процеживала тофу, отвесил два лян семян и завязал их внутри.

Вот что было удобно в доме бывших владельцев закусовых: кухонной утвари хватало на все случаи жизни.

Деревянный таз показался ему недостаточно чистым и красивым для десерта, поэтому он тщательно вымыл небольшой керамический чан.

На два лян семян требовалось около пяти цзиней воды.

Особого мастерства сам процесс не требовал — только силы в руках.

Чжан Бэйтин положил мешочек в воду и примерно четверть часа непрерывно разминал и выжимал семена. Постепенно чистая вода в чане превратилась в густую, скользкую, почти желеобразную массу.

Оставалось добавить нужное количество прозрачной известковой воды и ждать.

А чтобы бинфэнь получился особенно приятным, во время застывания его стоило охладить.

Во дворе семьи Чжан как раз был колодец.

Вода в нём шла из-под земли — зимой казалась тёплой, летом ледяной. Лучшего места для охлаждения и не придумать.

Пока Чжан Бэйтин опускал чан с бинфэнем в холодную колодезную воду, Сун Яньцин почти закончил обед.

Оставшегося жара в очаге как раз хватило, чтобы растопить нерафинированный сахар и сварить сладкий сироп.

Чжан Бэйтин принёс из главного зала половину сахарного бруска, оставшегося после свадьбы. Заодно взглянул в спальню: там лежали ещё две нераспечатанные упаковки сладостей и стояли два кувшина вина — подарки, которые прежний хозяин приготовил для визита к родителям супруги.

Теперь, похоже, вручать их было некому.

Готовый сахарный сироп Чжан Бэйтин тоже опустил в колодезную воду охлаждаться.

На обед Сун Яньцин приготовил рис с тыквой, холодные баклажаны и зелень.

Готовил он хорошо. Баклажаны были мягкими, нежными и в меру солёными, зелень — хрустящей и сладковатой. Но жара стояла такая, а за утро они так устали, что аппетита почти не осталось. Оба поели совсем немного.

После еды они отдохнули, и как раз подошло время доставать бинфэнь.

Чжан Бэйтин снял с чана белую хлопковую ткань.

Под ней дрожало прозрачное, словно хрусталь, желе. Стоило коснуться ложкой, как оно мягко распадалось на нежные кусочки.

Он наполнил миску, полил сверху тёмным сахарным сиропом и протянул Сун Яньцину.

— Попробуешь?

— Мне? — Сун Яньцин явно не ожидал, что первая порция достанется ему.

— Угу.

Такой еды он ещё никогда не видел.

Прозрачные кусочки бинфэня были покрыты густым янтарно-коричневым сиропом и выглядели необыкновенно аппетитно.

Сун Яньцин осторожно зачерпнул ложечку и положил в рот.

Текстура оказалась гораздо нежнее, чем он ожидал: мягкая, скользящая, прохладная. Стоило слегка прижать языком — и холодок скользнул по горлу вниз, а густая сладость сиропа ещё долго оставалась на губах.

Сун Яньцин поднял голову. Глаза сияли.

— Сладкий! Холодный! Очень вкусно!

До того как увидеть готовый десерт, он допускал, что Чжан Бэйтин действительно сможет приготовить из тех семян что-нибудь съедобное. Но чтобы настолько вкусное — такого не

ожидал.

Слишком уж много раз он слышал от Сун Яньвань и её матери, что Чжан Бэйтин не способен отличить один овощ от другого.

— Добавить сиропа? — спросил Чжан Бэйтин.

Он и себе наложил миску. Сам Чжан Бэйтин слишком сладкое не любил, поэтому налил совсем немного. А вот Сун Яньцин, похоже, был сладкоежкой: даже описывая бинфэнь, сначала похвалил сладость и только потом прохладу.

Сун Яньцин посмотрел на мисочку с сиропом. По глазам было видно — хочется. Но попросить он стеснялся.

В следующую секунду прямо перед ним появилась ложка, полная сиропа.

Сун Яньцин тихонько добавил его в бинфэнь и съел ещё ложку.

Сладость будто проникла прямо в сердце.

Он украдкой посмотрел на сидевшего напротив мужчину.

Чжан Бэйтин был красив, взгляд у него оставался тёплым и спокойным.

Сун Яньцин подумал: если узнать его хоть немного лучше, наверное, мало кто смог бы отказаться стать его супругом.

После миски прохладного сладкого бинфэня жара наконец перестала казаться невыносимой.

Чжан Бэйтин спросил:

— Как думаешь, если вынесем бинфэнь продавать, его будут покупать?

Сун Яньцин серьёзно задумался.

— Юньян — самый богатый город Да Цзин после столицы. Для большинства семей летом потратить несколько вэня в день на что-нибудь прохладное — совсем не тяжело.

— Тогда сколько брать за миску?

После переноса Чжан Бэйтин пока купил только овощи. А воспоминания прежнего владельца о ценах на уличную еду были расплывчатыми. В этом вопросе Сун Яньцин, всю жизнь проживший в Юньяне, разбирался намного лучше.

Сам процесс приготовления он видел не полностью, но примерно представлял себестоимость: плоды они собрали бесплатно, извести нужно ничтожно мало, она и сама дешёвая, а сахарного сиропа на миску уходила пара ложек.

— Два вэня за миску? Как тебе?

— Подходит.

То, что Чжан Бэйтин без колебаний принял предложенную им цену, заметно обрадовало Сун Яньцина.

Он посмотрел на оставшийся в чане бинфэнь.

— А это отнесём продавать?

— Нет. Две миски оставим себе, остальное чуть позже отнесём семье Хэ.

Тётушка Хэ не только принесла им яйца и овощи. После пробуждения Чжан Бэйтина она оказалась единственным человеком, который действительно пришёл узнать, как он себя чувствует.

Когда они пришли к соседям с большой миской бинфэня, во дворе сидела только Мяо Фэнхуа и занималась рукоделием.

Увидев посудину в руках Чжан Бэйтина, она удивилась:

— Бэйтин, а это ещё что такое?

— Сегодня жарко. Я приготовил прохладный десерт — бинфэнь. Принесли вам попробовать.

Из главной комнаты доносились голоса нескольких детей, поэтому Чжан Бэйтин не стал без приглашения заходить во двор.

Мяо Фэнхуа приняла миску и позвала:

— Да заходите! Под персиковым деревом прохладно.

Направляясь в дом, она громко крикнула:

— Хэ Хай! Брат Чжан с Яньцином пришли!

Детский гомон сразу стал тише.

Вскоре Хэ Хай вышел с сонным лицом и тазиком слив в руках.

— Мы не разбудили тебя? — спросил Чжан Бэйтин.

— Нет. — Хэ Хай поставил сливы перед гостями. — Это Лэйлэй, сын моего старшего брата, привёл друзей играть. Они щебечут без остановки — тут всё равно нормально не поспишь.

Убедившись, что не помешал, Чжан Бэйтин перешёл к делу:

— И ещё хотел извиниться за утро. Из-за меня у тебя возле прилавка случился шум.

— Да ничего, — Хэ Хай махнул рукой. — Я и так терпеть не могу продавать Ли Гуйсян. То одно переберёт, то другое, ещё требует сверху бесплатно добавить. Замучила...

— Хэ Хай, — перебила сына Мяо Фэнхуа.

Она уже разложила бинфэнь по маленьким мискам и протянула одну ему.

— Брат Чжан принёс десерт. Ешь, пока холодный.

Затем повернулась к Чжан Бэйтину и Сун Яньцину:

— Я слышала от Хэ Хая, что утром произошло. Такую, как Ли Гуйсян, иногда полезно поставить на место.

Не успела она договорить, как Хэ Хай уже проглотил больше половины своей порции.

Он причмокнул, смакуя послевкусие:

— Вкуснее даже охлаждённого супа из маша из кондитерской Сюй!

Кондитерская Сюй была одной из самых известных в Юньяне. За ней стояла семья Сюй — одна из четырёх богатейших торговых семей города. Летние напитки там действительно охлаждали

настоящим льдом из ледника.

Чжан Бэйтин улыбнулся:

— Я ещё переживал, вдруг никто не станет покупать. После твоих слов уже не боюсь.

Одной миски Хэ Хаю явно не хватило. Услышав, что бинфэнь собираются продавать, он тут же оживился:

— Вы уже сегодня после обеда поставите прилавок? Где?

— Сегодня не успеем. Посуду ещё подготовить надо, да и место я пока не выбрал.

— Вот как...

Хэ Хай немного расстроился, но почти сразу заговорил с новым энтузиазмом:

— Брат Чжан, помнишь большую площадку возле постоянного двора Наньчэн? Последние годы там много кто торгует: всяким разным. Если продаёшь еду, платишь управляющему постоянного двора два вэня — и можешь стоять весь день. А ещё за пять дадут стол.

Мяо Фэнхуа поддержала:

— Место и правда хорошее. После обеда большие деревья дают тень, людей приходит много. И колодец рядом — посуду мыть удобно.

Чжан Бэйтин обрадовался:

— Тогда вечером схожу посмотрю.

— Как определишься, скажи мне. Я Лэйлэя приведу поддержать вас, — сказал Хэ Хай.

— Приводи. Я вас обоих угощу.

— Ну уж нет, так не пойдёт.

Они ещё немного поболтали, после чего Чжан Бэйтин и Сун Яньцин поднялись домой.

Мяо Фэнхуа вынесла из комнаты их пустую миску и передала Сун Яньцину, который почти всё

время молчал.

Внутри лежала целая горсть слив.

— С нашего дерева, — сказала она. — Заберите, поешьте дома.

И добавила:

— Приходи почаще, когда свободен.

Сун Яньцин поднял глаза, посмотрел на стоявшего рядом с улыбкой Чжан Бэйтина и кивнул.

— Хорошо.

Проводив их, Мяо Фэнхуа и Хэ Хай ещё некоторое время стояли у ворот.

Хэ Хай заметил:

— Похоже, за годы возле Академии Белого Журавля брат Чжан всё-таки многому научился у дяди Чжана.

— И хорошо, — ответила мать. — Когда у человека есть ремесло в руках, его родителям там, наверху, спокойнее.

Вернувшись домой, Сун Яньцин вспомнил разговор у соседей.

— Ты правда хочешь, чтобы мы вдвоём продавали бинфэнь?

— Угу.

— Я один справлюсь с прилавком, — сказал Сун Яньцин. — Если ты пойдёшь со мной, потеряешь время для учёбы.

Чжан Бэйтин немного помолчал.

— Я больше не собираюсь учиться.

Сун Яньцин не понял:

— Но разве ты не любил книги?

— Раньше любил. А потом понял, что готовить тоже очень интересно.

Да Цзин почитала земледелие, но торговлю не притесняла: земледельцы, ремесленники и купцы в обычной жизни считались равными. Однако положение учёных и чиновников всё равно было значительно выше.

Чжан Бэйтин прекрасно понимал: учёба не была ни его призванием, ни его талантом.

Даже если продолжить жить по плану прежнего хозяина тела, ничего хорошего из этого не выйдет.

Сказав, что бросает книги, он ожидал если не разочарования, то хотя бы уговоров не спешить.

В конце концов, прежний Чжан Бэйтин учился больше десяти лет, уже получил степень сюця и тем самым заслужил право двигаться дальше по экзаменационной системе. Бросить всё на этом этапе любому показалось бы расточительством.

Но Сун Яньцин даже не задумался.

— Тогда будем продавать еду.

<http://bllate.org/book/20100/1989974>